

НОВОБЫИ
МИР

7

НОВОБЫИ
МИР

1976

7

1976

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 7

Июль, 1976 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПЕТР ВЕГИН — Зимняя почта, стихи	3
ВЛ. ЛИДИН — Рассказы	8
ВАЛЕНТИН СОРОКИН — Ястреб, стихи	36
КОНСТАНТИН СИМОНОВ — Япония—46. Страницы дневника. Окончание	42
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ — Из лирической тетради, стихи	114
ТОРНТОН УАЙЛДЕР — Мартовские иды, роман. Перевела с английского Е. Голышева	119
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
П. РЕБРИН — В колыбельных местах	180
ПУБЛИЦИСТИКА	
ЮРИЙ ЖУКОВ — Поучительная страница истории	202
И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА — Социальные проблемы советского образа жизни	208
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ИВАН ГОЛИК — Поле дружбы, поле борьбы	222
В. ПОРУДОМИНСКИЙ — Не уклоняясь от добра и правды. К 150-летию со дня рождения А. Н. Афанасьева	236
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Л. Левин. «Весь мир воображеньем опоясан». — А. Бочаров. Не рвется цепь времен. — В. И. Кулешов. Книга живых идей и споров.	247
<i>Политика и наука</i>	
В. Мотяшов. С тревогой и надеждой. — И. Дрейцер. Величие и боль талан- та. — Эрнст Генри. Духовный облик Мао Цзэ-дуна.	262

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
КОРОТКО О КНИГАХ: В. Мамонтов.— Владимир Санги. Женитьба Кевонгов. Роман. ♦ Юрий Богданов.— Лев Озеров. Далекая слышимость. Книга стихов. ♦ А. Хорт.— Леонид Ленч. Избранное. ♦ С. Николаева.— Н. Байрамукова. Кайсын Кулиев. Очерк творчества. ♦ Л. Финк.— А. Зись. Искусство и эстетика. ♦ В. Пронин.— Д. Затонский. Зеркала искусства. Статьи о современной зарубежной литературе. ♦ Е. Краснощекова.— Н. Великая. Формирование художественного сознания в советской прозе 20-х годов. ♦ Т. Мотылева.— Я. Фрид. Анатоль Франс и его время. ♦ В. Сутырин.— А. Агарышев. Гамаль Абдель Насер. ♦ Сергей Марков.— А. И. Алексеев. Судьба Русской Америки. ♦ Ю. Курсков.— Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования	278
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

движение транспорта и пешеходов, а зеленые зоны вокруг жилья создают атмосферу полного единения с природой, обеспечивая наилучшие условия для горожан (этот проект остался нереализованным, однако принятые в нем планировочные решения представляют самостоятельный интерес).

«Городом тишины» назвала одна парижская газета спроектированный Нимейером жилой комплекс в Грассе (Франция) на две тысячи квартир, размещенных в трех восемнадцатизэтажных блоках общей протяженностью около ста восьмидесяти метров. По времени эта работа совпала с проектированием здания ЦК Французской коммунистической партии, которое Нимейер считал для себя неожиданной честью.

Эти две работы — лишь незначительная часть того, что создано за пределами своей страны. Начиная с 1939 года, когда он вместе с Л. Костой построил павильон Бразилии на Всемирной выставке в Нью-Йорке, архитектор регулярно выполняет зарубежные заказы. И одно из наиболее значительных событий в этом ряду — приглашение участвовать в проектировании комплекса зданий Организации Объединенных Наций, выражение международного признания таланта художника.

На 60-е и начало 70-х годов приходится длительный период зарубежных странствований выдающегося архитектора и общественного деятеля, причиной которых послужило усиление реакции на родине Нимейера. «Временем энтузиазма и взрыва» называет он в книге первое пятилетие этого периода (1961—1966), с которым связано

много общественных потрясений в Бразилии и много творческих удач художника и борца за социальную справедливость, против угрозы новой мировой войны.

Не случайно вторая ипостась художника получила столь высокое признание. В 1963 году он был удостоен Международной Ленинской премии мира. Примечательно, что чествование общественного деятеля Нимейера проходило в городе, сооруженном талантом и энергией Нимейера-архитектора, городе красивом и цивилизованном, но, к сожалению, испорченном отжившей и несвоевременной социальной структурой, как вынужден был с горечью признать архитектор в своей речи по случаю вручения ему столь высокой награды.

В январе 1974 года, перед расставанием со Старым Светом, по которому он путешествовал в течение десяти лет, Нимейер заявил: «Я постоянно думаю о моей далекой Бразилии, о Латинской Америке, которая страдает и одновременно бурно развивается как сила природы, которая не смирится с преступлением против Альенде и с грустью прислушивается к песням протеста и любви нашего незабвенного и ныне умолкнувшего брата Неруды. Но, к счастью, нам остается Надежда. И уверенность в том, что жизнь изменится и что приход лучшего мира, о котором мы всегда мечтали, предначертан историей».

В этом — весь Нимейер. И стоит ли удивляться, что книга создателя названа «Архитектура и общество»?

И. ДРЕЙЦЕР.

Кемерово.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК МАО ЦЗЭ-ДУНА

Федор Бурлацкий. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер—это война, диктатура...». М. «Международные отношения». 1976. 392 стр.

О маоизме и о самом Мао Цзэ-дуне написаны десятки книг и тысячи статей. На Западе по радио и телевидению о «великом кормчём» говорят без умолку день за днем. Но для многих из тех, кто читает и слушает, все же остается один существенный вопрос: что за человек этот пекинский диктатор, из-за которого в мире так много шума и волнения? Кто он не только как политик, а именно как личность? Каков его духовный облик?

Это действительно трудно не безразлично для понимания того, что уже десятками лет

творится в Китае. Тень Мао Цзэ-дуна не сходит с горизонта, и когда речь идет о диктаторах, задумываться приходится не только об их официальных идеях и философии, но и об их характере, психике, складе ума. Мы знаем, что одно трудно отделить от другого.

Правда, политика общественных деятелей диктуется прежде всего такими основополагающими факторами, как экономика, история, классовые интересы, национальные особенности. И все же опыт новейшей исто-

рии бесспорно подтверждает, что и личное играет немалую роль в политике.

Вот почему недавно вышедшая в свет книга Ф. М. Бурлацкого о Мао Цзэ-дуэ вызывает особый интерес. Автор ставит перед собой именно задачу нарисовать «идейно-психологический портрет» Мао, «составить всестороннее суждение о духовном облике Председателя КПК».

Это как будто не так просто. «Трудно постигнуть психологию человека,— пишет автор,— в руках которого в известном смысле оказались судьбы более чем 800-миллионного народа. О чем думает, чем живет, что испытывает этот человек, наделенный такой невиданной властью и обремененный столь высокой ответственностью?.. Мы часто видим лишь ту маску, которую нам показывают. А жаждем мы познать подлинное лицо... Как случилось, что имя человека, которое раньше связывалось с великой революцией, стало ныне синонимом национализма и контрреволюции,— вот один из основных предметов раздумий автора этой книги».

Конечно, будучи марксистом, Бурлацкий пишет не только о сугубо личных чертах характера Мао Цзэ-дуэ. Так называемого психоанализа в книге не найти. Автор следит за жизнью и поступками пекинского диктатора на фоне истории китайской компартии. Но лицо Мао Цзэ-дуэ все-таки все время прорезывается сквозь эту историю, сквозь политику и экономику. Его профиль не стереть.

Литераторов именно это и должно привлечь к данной книге. Я не знаю, приказано ли уже в Пекине китайским писателям сочинять романы о «великом кормчём». Быть может, они уже заготовляются. Но если когда-нибудь будет действительно написан правдивый роман о Мао Цзэ-дуэ, то автор найдет для себя у Бурлацкого немало документального материала и интересных мыслей. Можно только предугадать, что такой роман своим реализмом окажется одним из самых злобствующих в истории мировой литературы. Ни Чингисхан, ни Торквемада, ни Наполеон Бонапарт не представляли для писателя столь драматической темы.

С точки зрения самого подхода к ней возможно одно «принципиальное» возражение с самого начала. Некоторые — это касается прежде всего людей в капиталистическом мире — могут сказать, что поскольку Мао Цзэ-дун китаец, то понять его как личность европейцам вообще трудно, если не

невозможно. Нельзя пройти через наглухо закрытую психологическую дверь.

Кое в чем это, вероятно, так. Но только не в самом главном. Никакой специфической «азиатской тайны», никакой восточной неизъяснимости или непроницаемости в облике Мао Цзэ-дуэ искать не приходится. За полвека с лишним своей деятельности на политической сцене он успел показать себя весь, будь то для азиатов или для европейцев и американцев. Главные черты его личности ничуть не таинственны и не «локальны».

Каковы эти черты? Читая насыщенную материалом книгу Бурлацкого, постепенно приходишь к выводу, что духовный облик пекинского лидера определяется прежде всего тремя свойствами: его властолюбием, его полуинтеллигентностью и его национализмом. Каждое из этих свойств оказывало и оказывает огромное влияние на его поведение на политической сцене. В их совокупности ключ к его психике.

Вся жизнь Мао Цзэ-дуэ с юных лет по сей день говорит о том, что он всегда был одержим стремлением к личной власти.

Это и только это стояло и стоит у него на первом месте, не давая ему покоя, диктуя самые чудовищные из его поступков, толкая его на безумные авантюры. Именно личная власть, а не диктатура пролетариата — его неизменная цель, и это объясняет многое в злоключениях китайской компартии. Прикрываясь демагогической фразеологией и псевдофилософскими рассуждениями, он никогда не останавливался ни перед чем, чтобы пробраться наверх и сбросить других вниз.

«Личная власть, ее укрепление, ее расширение, ее постоянная максимизация,— пишет Бурлацкий,— становится постоянным законом существования такого человека, и тогда — что ему люди? Что ему жена, друг, дети, политический соратник? Что ему жестокость, добро и зло?» И что ему коммунизм? — добавим мы.

«Если возникала дилемма — личная власть или интересы единства КПК,— подчеркивает автор в другом месте,— она всегда решалась им в пользу личной власти. Это стало правилом его деятельности на всю жизнь и давало немалые преимущества в борьбе с менее эгоистично настроенными соперниками».

В книге приводится документ: решение, принятое цзянсийским провинциальным комитетом КПК еще 15 декабря 1930 года, за

четыре года до того, как Мао Цзэ-дун возглавил партию. «Мао Цзэ-дун,— говорится в этом решении,— как известно всем, весьма хитрый и коварный человек с чрезвычайно развитым индивидуализмом. Его голова забита тщеславными мыслями, на товарищей он обыкновенно воздействует приказами, угрозами, опираясь на систему наказаний... Мы указываем и разоблачаем замысел Мао Цзэ-дуна перед партией и Союзом молодежи всей страны для их мобилизации против него, чтобы не позволить ему громить партийную организацию Цзянси, переделывать партию в свою собственную группировку, а самому в качестве императора в партии погубить китайскую революцию».

«Император в партии!» Это звучит как бред сумасшедшего, как чудовищное противоречие в себе. Но именно неукротимое тяготение к своеобразному монархизму действительно пронизывает все мышление Мао Цзэ-дуна. Он хочет не руководить, а повелевать. Партия для него — немое и слепое личное войско, народ — необходимый инструмент, «чистый лист бумаги, на котором можно писать любой иероглиф» (собственные слова Мао), сам он — вождь и вероучитель народов, выше которого никого нет и быть не может.

Хотя он демонстративно ходит в заплятанной одежде и фотографируется в ней, не снимает с себя даньи, при случае ест чумизу и другую скудную пищу, в нем витает дух типичного восточного деспота. Это и есть оборотная сторона «китаизированного марксизма». Он нежится в атмосфере культа своей личности, иногда не скрывая, как ему это нравится. На партийном совещании в Чэнду 9 марта 1958 года он даже пытался сослаться при этом на... Ленина. «Некто,— заявил он,— выступив против Ленина, назвал его диктатором. Ленин ответил напрямик: «Чем позволить вам быть диктатором, уж лучше я сам буду им». Это прямая и на редкость наглая ложь. Ничего подобного Ленин, конечно, никогда не говорил. Но Мао Цзэ-дуна это нисколько не смущает: ему должны верить как богу. Книга полна подобными примерами.

Как же все-таки Мао Цзэ-дун, называющий себя коммунистом, установил свою личную власть, ничем, кроме декораций, не отличимую от самодержавия старых китайских богдыханов? В первую очередь тремя способами: с помощью изолированных фракционных интриг, небывалого физического

террора и все того же культа своей личности.

У Мао, пишет Бурлацкий, можно обнаружить «поистине уникальное мастерство групповой борьбы». В книге приводится еще один документ, достоверность которого находится под сомнением, но содержание которого тем не менее очень похоже на правду. Это так называемый «проект 571», будто бы составленный Линь Бяо. О Мао Цзэ-дуне в нем говорится:

«Он каждый раз вытаскивал одну силу (в партии.— Э. Г.) для разгрома другой, сегодня вытаскивает эту для разгрома той, завтра вытаскивает ту для разгрома этой; сегодня поет дифирамбы одним, а завтра приклеивает им ярлыки предателей и уничтожает их, сегодня вместе с ними сидит на троне, а завтра они его узники. Из истории нескольких десятков лет видно, что тех, кого он начинает поднимать, впоследствии неизбежно ожидала политическая смерть. Какие политические силы могли сотрудничать с ним до конца? Его бывший секретарь — убийца из убийц, тюремщик из тюремщиков, один из наиболее близких его соратников и приближенных сам оказался в тюрьме. Он даже не пощадил собственного сына и довел его до сумасшествия, он является злым интриганом и извергом, он может любого живьем закопать в землю и все плохое свалить на него. Ясно, что все, кто был его приближенным и был низвергнут, в действительности являются козлами отпущения».

Так Мао Цзэ-дун систематически и действует внутри партии. Ему либо искренне верят и затем гибнут, либо боятся и так же беспрекословно подчиняются. Это тоже испытанная практика восточных тиранов. На всех ключевых постах — его доверенные люди или обманутые им лица. Кадры армии и госбезопасности воспитываются в духе совершенно безоговорочной лично ему преданности. В состав высшего политического руководства КНР (учрежденного в 1968 году «пролетарского штаба») он вводит трех человек из органов безопасности, свою жену, своего зятя и даже своего бывшего телохранителя. В то же время на началах слепой покорности ему непрерывно муштруется аппарат «ганьбу» — 20—30 миллионов функционеров, занятых в партийных, государственных, хозяйственных и военных учреждениях. Это и есть ядро системы, заменившей коммунистическую партию в Китае.

Вокруг же нее вакханалия того культа, который доводится до буквального обожевления Мао Цзэ-дуна. Об этом уже много писалось, но в рецензируемой книге связь между «стихийным» культом и работой аппарата личной власти выявляется особенно отчетливо.

Когда разворачивается кампания «отдайте ваши сердца» (читай — Мао Цзэ-дуну), когда художники рисуют Мао на фоне солнца, лучи которого согревают Китай, когда продававший сложную операцию на сердце хирург заявляет: «Я сделал это потому, что следовал учению Мао», то дело прежде всего не в каком-то массовом психозе, а в точно налаженном и управляемом сверху механизме. Кесарю кесарево.

И все-таки вся эта система едва ли сработала бы, если бы не была залита потоками крови.

Сколько людей уничтожено в Китае по воле Мао Цзэ-дуна и его ставленников? Бурлацкий приводит ряд цифр. По примерным подсчетам из разных источников, «большой скачок» и «народные коммун» стоили стране одного-двух миллионов жертв, кампания против национальных меньшинств — 500 тысяч или миллиона, «культурная революция» — 250 или 500 тысяч (не мало ли? — Э. Г.), «школы перевоспитания» — от 15 до 25 миллионов. В общем и целом погублено было по одним подсчетам 17 миллионов китайцев, по другим — 29 миллионов. Не удивительно после этого, что сам Мао так невозмутимо говорит о возможности гибели «половины человечества» в случае войны. Что для него смерть других!

«Когда китайцы говорят про смерть, — сказал он однажды, — то называют это «белой радостью». С одной стороны, похороны, погребение, поминовение усопшего, все скорбят. А с другой стороны, смерть называют «радостью», благостным событием. И это соответствует диалектике. По-моему, это действительно радостное торжество... Недобрительно относиться к смерти — значит, быть не диалектиком, а метафизиком».

Подлинные слова Мао. Смерть — это хорошо. Но только смерть во имя Мао и для него. Сколько ни в чем не повинных людей еще будет уничтожено в Китае для утверждения его власти и власти его клики? В КПК, сообщает автор, укоренился принцип: «Если кто со мной согласен, тот может жить, а кто со мной не согласен, тот должен умереть». Жестокость и произвол делают «нормой массового сознания» (а не

только политики верхов. — Э. Г.), подчеркивает автор. Это, может быть, самое страшное. Становится понятно, почему хунвейбины «понимали свою миссию так: убить всех руководителей, кроме Мао Цзэ-дуна и его ближайших сподвижников».

Террор, но не красный террор в защиту революции, а террор в сугубых интересах личной власти. Ван Мину, одному из действительных основателей китайской компартии, которого Мао Цзэ-дун в годы войны, по-видимому, пытался отравить, «великий кормчий» в минуту откровенности как-то сказал: величие той или иной исторической личности измеряется количеством пролитой крови.

Так он понимает величие. И таким он видит историю в движении. Для него это «диалектика». Чем больше крови для укрепления его самодержавия, тем выше, по его мнению, будут ставить его современники и потомки. Здесь опять-таки ключ к его психике и «философии».

Можно сказать, что испуганное, ненасытное властолюбие — главный секрет характера Мао Цзэ-дуна. Но, разумеется, для такой фигуры это не все. Мало знать, к чему он стремится, интересно и то, что он как личность вообще из себя представляет. Кто такой Мао Цзэ-дун по своему социальному облику? В книге достаточно данных для ответа и на этот вопрос.

Ясно следующее. Мао Цзэ-дуна нельзя назвать ни рабочим, ни крестьянином, ни интеллигентом. Глава маоистов — типичный полунинтеллигент со всеми его свойствами. Это, в свою очередь, влияет на его идеологию и объясняет в нем многое, чего иначе не понять.

Полунинтеллигентность Мао Цзэ-дуна является самым различным образом. Он малообразован, не знает иностранных языков. По словам Бурлацкого, он «черпает уверенность в себе только при общении с менее образованными и культурными людьми». Тип этот достаточно известен. Сам Мао Цзэ-дун на партийном совещании в Чэнду сказал дословно: творцами новых идей всегда были «молодые люди, не блиставшие ученостью... В истории люди необразованные всегда свергали людей образованных». Очевидно, он имел в виду и самого себя.

Как всякий мелкобуржуазный полунинтеллигент, Мао Цзэ-дун ненавидит настоящую творческую интеллигенцию и боится ее. Однажды он сказал: «С нашей точки зрения,

интеллигенция — наиболее невежественная часть общества». В другой раз добавил: «Нужно выгнать из городов артистов, поэтов, драматургов, литераторов в деревню. Если они не отправятся в низы — не выдавать им продовольствия. Кормить лишь тех, кто поедет».

Это и делалось. В 1974 году в КНР было объявлено, что за шесть лет в деревню выслано 10 миллионов грамотных молодых людей. Это несмотря на острую нехватку в стране школьных учителей. Очень похоже на то, что весьма значительная доля тех 15—25 миллионов людей, которые погибли в маоистских «школах перевоспитания», приходилась именно на интеллигенцию. Писатели и профессора кончали с собой.

Особенно показательно в этой связи отношение Мао Цзэ-дуна именно к литературе. Он не скрывает своей зависти к великим писателям. Под его влиянием в Китае, как известно, преданы анафеме Гомер, Данте, Шекспир, Бальзак, Пушкин, Лев Толстой, Горький и десятки других мастеров художественного слова. Памятник Пушкину в Шанхае был разрушен. В книге Бурлацкого цитируется следующее высказывание Мао, сделанное еще в Яньани: «Если те или иные произведения китайского и мирового искусства недоступны неграмотному человеку, то нужно не грамоте учить, а создавать упрощенные работы, понятные неграмотным, изымать непонятные произведения...»

Это типичная точка зрения завистливого полуинтеллигента. Что выше его понимания, то плохо и не нужно. Лучше неграмотность, чем настоящая образованность. Как все такие лица, Мао Цзэ-дун не выносит мысли, что кто-то может писать талантливее, чем он, автор посредственных стихшков. Отсюда его подход к литературе. Мао Цзэ-дун, замечает автор, «берет правильный тезис о том, что искусство должно служить народу, но вульгаризирует его и приходит к отрицанию самого искусства как такового». Зато его самого громогласно провозглашают «лучшим поэтом Китая». Сколько непоправимого вреда принесли подобные деятели делу искусства в ходе истории!

Самое опасное — современную китайскую молодежь он старается настроить на свой лад, натравить ее на интеллигенцию. Мао Цзэ-дун учит ее ненавидеть настоящую культуру. Вот приводимые Бурлацким некоторые лозунги хунвейбинов в дни «культурной революции», когда они врывались в книжные магазины, храмы и пагоды, унич-

тожая бесценные сокровища китайского народа: «Мы не будем с вами деликатничать: вы все провоняли, от вас осталась одна гниль! Мы презираем вас, будем бить, крушить...», «Разобьем их собачьи морды! Пусть наши штйки напьются их крови!», «Чтобы они расшибли себе мозги! Перебили себе все кости!».

Это голос звериной, неутолимой злобы. Сам Мао так не говорит, но так он сознательно влияет на незрелую молодежь, указывая ей направление и в будущем. Причем — это особенно знаменательно — в будущем не только самого Китая. Выступая 18 августа 1966 года на площади в Пекине перед сотнями тысяч взвинченных юнцов и объявляя им о создании организации хунвейбинов, Мао подчеркнул, что организация эта имеет не только общенациональное, но и интернациональное значение. Смысл его слов достаточно ясен. Забывать об этом высказывании нельзя.

Можно не останавливаться на множестве других отмеченных в книге проявлениях мещанской ограниченности (не говоря уж о завистливости) маоистского лидера, доходящей до прямого невежества: например, знаменитый «поход на воробьев», результатом которого была экологическая катастрофа — нашествие на природу и людей бесчисленных отвратительных насекомых. Характерна и такая деталь быта, как банкет в присутствии Мао у его главного палача Кан Шэна, когда приглашенным подавалось семьдесят блюд (что несколько не мешает «кормчому» носить заплатанную одежду). Все это штрихи на одном и том же портрете.

«Мелкая буржуазия — вот социальный источник такого рода лидеров», — пишет Бурлацкий. Я думаю, он прав. Ничего от рабочего класса в духовном облике Мао Цзэ-дуна нет, хотя некоторые люмпен-пролетарские черты, добавим мы, в нем заметны. Совершенно очевидно, что Мао, сын деревенского торговца рисом, настроен не только против интеллигенции, но и против рабочего класса. Зато на неграмотное, отсталое крестьянство он делал ставку с самого начала: здесь он действительно может писать на «чистом листе бумаги». В книге приводится письмо Мао Цзэ-дуна в ЦК КПК, написанное еще в апреле 1929 года: «По нашему мнению, ошибочно бояться того, что усилится власть крестьянства, что она пересилит руководство рабочих и приведет к гибели революции... Ре-

волюция никак не пострадает, если крестьянская борьба разовьется настолько, что крестьяне станут более могущественными, чем рабочие». Известно и то, что Мао Цзэ-дун в свое время публично утверждал: лидерами в надвигающейся национальной революции могут быть только торговцы.

Мелкобуржуазный полуинтеллигент Мао Цзэ-дун боялся и боится рабочего класса, как и всего действительно передового в своей стране. В глубине души, в истоках своего сознания человек этот не «ультра-левый», а правый. Именно поэтому для него так естественно стремиться не к диктатуре пролетариата, а к личной власти.

Властолюбие, сопряженное с манией величия, малообразованность, страх перед рабочим классом, ненависть и зависть к интеллигенции — все это уже обрисовывает облик человека и политика. Недостает только одной черты, которая дополняет и логично завершает этот образ, — национализма.

У Мао Цзэ-дуна эта черта в последние годы выступает наружу все отчетливее и отчетливее. Бурлацкий считает, что это «самая характерная» его черта, ибо национализм для Мао — «синоним личного величия». Одно сливается с другим. Так уже часто бывало в истории.

Действительно, от маоистской «китаизации марксизма» до испуганного китайского национализма один шаг. Первое служит второму, второе же — прежде всего самому Мао, видящему в себе повелителя новой «поднебесной».

«Мы должны покорить земной шар, — сказал Мао еще в 50-х годах. — Нашим объектом является весь земной шар... Что же касается работы и сражений, то, помимо, важнее всего нам земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно надо проникнуться такой решимостью».

Иначе говоря, глобальный китайский национализм — венец всего. 20 января 1956 года он подчеркивает эту мысль на совещании в ЦК КПК, заявляя: «Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира».

Прошло уже два десятилетия, пророчество все еще не исполняется. Но великоимперские планы Пекина остаются в силе. Отсюда претензии на полтора миллиона квадратных километров советской территории. Отсюда намеки на «интернацио-

нальную» роль хунвейбинов. И отсюда, наконец, заявления, подобные следующему, сделанному в директиве съезду Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев в декабре 1956 года: «Развалится ли социалистический лагерь? Я думаю, даже если он развалился бы, в этом не было бы ничего страшного, ничего неслыханного».

«Ничего страшного», потому что, по идее Мао Цзэ-дуна, социалистическое содружество будет сметено его собственной всемирной империей. Когда интернационализм подменяется национализмом, даже буржуазные националисты не могут угнаться за ренегатами. Можно ли считать, что гегемонистские фантазмагории Мао — плод дегенеративного мышления восьмидесятилетнего старца? Я думаю, нет. Он всегда был таким. Национализм — органическая черта его духовного облика. Так было и тогда, когда он еще носил маску интернационалиста.

Вырисовывается совершенно определенная личность. Человек этот отнюдь не столь сложен. Ничего действительно выдающегося в нем нет. Мао Цзэ-дун не глубокий мыслитель, не гениальный политик и не честный деятель. Он только ловкий тактик, умелый игрок и беспощадный, хитрейший интриган. Этого отнять у него нельзя, и это в известных условиях не так-то мало. Здесь он действительно крупный знаток своего дела. Самое же главное: он самодержавно правит огромной страной, восьмисотмиллионным народом, только что проснувшимся после вековой спячки и расправляющим плечи. В этом, а не в нем самом его сила. Но надо, чтобы люди знали, кто такой он сам.

Остается несколько вопросов.

Ф. Бурлацким собран большой материал, его размышления интересны, его главные выводы, на мой взгляд, правильны. Трудно согласиться только с одним — с ответом, который автор дает на часто задаваемый геперь вопрос: почему коммунистами за пределами Китая не были своевременно приняты во внимание предостережения насчет Мао Цзэ-дуна, сделанные еще до создания КНР таким вдумчивым наблюдателем, как связной Коминтерна в Яньани П. П. Владимиров? Это немаловажный вопрос.

Автор предлагает различные объяснения. Он пишет, в частности, что «оценки Владимира в известной степени были так же неожиданны и уникальны, как и сообщения

Рихарда Зорге накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз», тем более что от самой КПК в то время «шел огромный поток сообщений прямо противоположного характера».

Так ли это? Я не думаю, что оценки Владимиров в 1942—1945 годах (так же, впрочем, как и предостережения Зорге в 1941 году) были «уникальны». Известны и другие сходные оценки, причем сделанные значительно раньше. Достаточно упомянуть, что еще в марте 1924 года, когда Мао был одним из секретарей ЦК КПК, тогдашний представитель Коммунистического Интернационала молодежи в Китае С. Далин написал взволнованное письмо Г. Н. Войтинскому, занимавшемуся в Исполкоме Коминтерна китайскими делами. В этом письме говорилось: «Ты услышишь здесь от секретаря ЦК Мао... такие вещи, что у тебя волосы дыбом встанут... По крестьянскому вопросу — классовую линию нужно бросить, среди бедного крестьянства нечего делать, нужно связаться с помещиками и чиновниками».

Мао Цзэ-дун уже тогда не был марксистом. Книга Далина с этими данными была опубликована в Москве в прошлом году. Предостережения насчет Мао Цзэ-дуна шли и от старого руководителя КПК Ван Мина, человека, глубоко преданного мировому коммунистическому движению. Есть и решение цзянсийского комитета КПК от 15 декабря 1930 года. Объяснения автора не кажутся мне достаточными. Главное, по-видимому, заключается в том, что поистине огромные заслуги китайской Красной армии ошибочно приписывались Мао Цзэ-дуну лично, а не героической китайской компартии в целом.

Возникает еще один важный вопрос. Можно ли считать то, что произошло и происходит в Китае, чем-то неизбежным и закономерным, сводя все исключительно к специфике такой отсталой страны, как Китай?

Автор книги считает, что нет, и он совершенно прав. Хотя многое из того, что случилось, действительно объясняется объективными факторами, самой историей Китая и особенно слабостью китайского рабочего класса, нельзя игнорировать субъективные факторы и довольствоваться как-им-то географическим фатализмом. Под руководством подлинных революционеров ленинской школы дела в КНР, несмотря на все объективные трудности, несомненно, пошли бы иначе. Нельзя не согласиться с

Бурлацким, указывающим на необходимость «не смазать вопрос о личной ответственности Мао, а также всех тех китайских руководителей, которые поддерживают его политику».

Приговор вынесен самой жизнью и обжалованию не подлежит. Личной и исторической ответственности Мао Цзэ-дуну и его сообщникам перед китайским народом и перед всем человечеством не избежать.

Наконец последний вопрос, тот, который интересующиеся Китаем люди ставят теперь все чаще: что впереди?

«Мы видим,— пишет Бурлацкий,— старого, очень старого и большого человека. Он едва передвигает ноги, и его, как правило, ведут служители, поддерживая с двух сторон. Когда ему нужно посмотреть в сторону, он медленно разворачивается всем телом... Рука, которую он протягивает для пожатия, холодна и безжизненна».

Дряхлость? Не только. Может быть, и сознание чего-то другого, вопроса, который Мао Цзэ-дун ставит перед самим собой: стоило ли жить так, как он жил? Самый страшный из всех личных вопросов перед смертью. Лев Толстой писал о нем, хотя и не в политическом разрезе, в повести «Смерть Ивана Ильича».

Государство, которое построил Мао Цзэ-дун на костях миллионов коммунистов и других честных китайцев, кажется огромным, но действительно ли так оно сильно? Не сбылась мечта Мао об «экономическом скачке». Китай, как отмечает Бурлацкий, остается одной из самых бедных стран в мире. Не оправдался расчет на «скачок в коммунизм»; военно-бюрократический режим Мао Цзэ-дуна стоял и стоит поперек пути перехода к развитому социализму. Не сбылась мечта о признании Мао Цзэ-дуна духовным вождем революционеров во всем мире; реакционеры в капиталистических странах теперь, по существу, намного ближе ему, чем левые группы. И полным провалом кончились попытки Мао Цзэ-дуна диктовать Советскому Союзу. СССР по-прежнему стремится к братской дружбе с китайским народом, но и здесь Мао Цзэ-дун ставит себя поперек пути.

Что еще остается из сокровенных расчетов этого человека? Видимо, только одно, самое главное и самое страшное: мечта о третьей мировой войне, о катастрофе человеческой цивилизации, на дымящихся развалинах которой Мао Цзэ-дун хотел бы построить свою империю. Этот пункт номер

один на его внешнеполитической повестке дня не снят; ради этого расчета он и вступает в сговор с империалистами и реакционерами. «Войны не нужно бояться», «...наш коронный номер — это война, диктатура», «...мы должны покорить земной шар» — такие лозунги Мао Цзэ-дуна остаются для него и его сообщников все время в силе. Пока он держится на троне личной власти, он их не сдаст.

Долго ли продержится сам трон? Что будет после Мао? Книга Бурлацкого вышла в свет до недавних событий в КНР, когда на улицах китайских городов внезапно появились несогласные с политикой Мао. Будущее покажет, можно ли уже говорить о росте серьезной антимаоистской оппозиции в Китае.

Но рассчитывать на быстрое крушение маоизма, думается, рано. Нельзя забывать, что за последнюю четверть века он все же пустил корни в стране. Очень многое зависит от того, сумел ли Мао Цзэ-дун отравить националистическим ядом сколько-нибудь значительную часть молодого поколения в Китае.

Книга Ф. Бурлацкого — нужная, продуманная и актуальная работа, написанная

свежим языком. Чувствуется, что автор не просто пишет, а глубоко переживает свою тему, одну из самых трагических тем современности. В книге говорится о том, с чем международное пролетарское движение никогда раньше не думало столкнуться. Предательству таких масштабов не было прецедентов. Тем важнее понять — и не простить.

Хорошо и то, что Бурлацкий пишет не для специалистов-международников. Его книгу может прочесть и усвоить любой грамотный и мыслящий человек. Конца этой теме пока еще не видно. Она едва ли будет исчерпана и тогда, когда сойдет со сцены давшее ей свое имя лицо.

Духовный облик самого Мао Цзэ-дуна достаточно ясен. Это не тема для психоаналитиков, а предмет исследований для марксистских ученых — политиков, экономистов, социологов, философов, историков. Но весь вопрос в том, на какой срок времени может человек с таким обликом заставить сойти со своего настоящего пути великий народ.

ЭРНСТ ГЕНРИ.

Цена 70 коп.

70636

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

